

Ольга Ившина

Рыжий сон

Ольга Ившина (Антакова)

РЫЖИЙ СОН

«ЛитРес: Самиздат»

2007

Ившина (Антакова) О. В.

Рыжий сон / О. В. Ившина (Антакова) — «ЛитРес: Самиздат», 2007

Студентка филфака - "книжная" девушка, впервые влюбляется и наконец узнает об этом чувстве уже без «редакторских» многоточий... Как много неожиданного открывает ей этот мир чувств! О том, что целомудренно скрывали за туманными фразами почитаемые ею литературные «классики», и о чем даже не догадывались «душекопатели» прежних времен, героиня говорит честно и «без купюр». Но все же эта книга - отнюдь не эротический экшен, а пронзительная история любви!

© Ившина (Антакова) О. В., 2007

© ЛитРес: Самиздат, 2007

Бывают сны «многосерийные», в которых многочисленные подробности сюжета сменяют друг друга, как картинки в калейдоскопе, а проснёшься – и не вспомнить, что к чему. Этот мой сон был короткометражный, и все детали остались в моей памяти вплоть до мельчайших подробностей.

Жаркий летний день. Солнце светит ярко; видимо, поэтому я смотрю сквозь затемнённые очки и вижу всё в желтовато-коричневой гамме. Детская песочница под типовым «грибком-мухомором» ржаво-коричневого цвета. В ней возится рыжий мальчик лет трёх. А вот девочка помладше, лет полутора-двух, в цыплёночно-желтом платьице направляется к «грибку». На её головку с льяными волосами, собранными в смешные «хвостики», надета панамка – у меня в детстве была такая же. В одной пухленькой ручке – пластмассовое ведёрко, в другой – оранжевый цветок (явно люблюсь малышкой – ведь это моя дочка!). Вот малышка направляется к мальчику... Стоп! Почему-то этот рыжий мальчик, кажется, мне знаком?!

Вряд ли я вспомнила эту давнишнюю историю из моей жизни, если б не тот сон про мою дочь. Она ещё не родилась, и я ещё мечтаю о ней, воображая, какая она будет, когда родится, и когда станет постарше, и – совсем взрослой. И конечно, верю, как все родители, что она будет лучше и счастливее меня. Потому мне сейчас так часто вспоминаются мои детство, юность и те досадные ошибки, исправить которые, увы, не в моей власти. Интересная эта штука – память: едва потянешь за ниточку воспоминаний, как события далеких дней, словно свернутые в тугой клубок, начинают разворачиваться в голове и заново встают перед внутренним взором. Вот так неожиданно и всплыла в моей голове одна история из далёких дней юности... Из тех историй, из-за которых вначале плачут украдкой по ночам, а потом вспоминают с улыбкой, может быть, немного грустной. Но никогда б не подумала, что я помню те события так ясно, будто это произошло буквально на днях ...

Однажды Данька, наш общий знакомый с физмата, заявился к нам в общагу, сияя, как медный грош.

– Пашка приезжает! – заявил Данька с порога, не здороваясь. – Представляете: скоро ко мне приедет мой Пашка!

Вообще Данька на самом деле, по паспорту, звался Даниилом, но называть полным именем было слишком заковыристо. Звать богатырским именем Данила это заморённое то ли бурной студенческой жизнью, то ли врождённым холерическим темпераментом создание было не по адресу. Вот и кликали его совсем уж попросту – Данькой. Самым широким местом фигуры этого субъекта казались очки с толстенными выпуклыми линзами, которые будто бы грозились перевесить самого очкарика. Из-за них Данька походил на лягушонка с выпученными глазами, и, несмотря на свой достаточный рост, казался маленьким и щуплым.

– А? Че-го? Ка-кой-такой Пашка? – спросили мы Даньку спокойно: все давно привыкли к его импульсивному характеру.

– Как это – «Какой»?! Тот самый! Мой одноклассник, земляк из Инты! Я же столько о нём рассказывал! – захлебывался от радости Данька.

В самом деле, где-то с самого начала нового учебного года, когда случай свёл нашу девичью кампанию с филфака с физматовцем Даниилом, тот то и дело твердил нам про своего замечательного кореша. Красочно расписывал нам, какой это удивительный человек, добрый, щедрый и душевный, что особенно необычно среди мужчин. Видимо, поэтому, а может, и по другим неведомым причинам все девушки, которым довелось с ним познакомиться, в этом Павле просто души не чают! И вдобавок, его друг – шахтер, то есть представитель мужественной и героической профессии. «Да и денежной, к тому же», – хором подумали мы с девчонками. А это – очень хорошее качество для гостя в компании студентов, вечно перебивающихся без денег от стипендии до стипендии.

– Что же ты, Данька, тормозишь! Давай, вызволяй нам сюда твоего друга хотя бы на ноябрьские!

Заказы и пожелания девушек из нашей компании Данька стремился выполнять неукоснительно – это было его сильным качеством. Похоже, он не столько учился, сколько бегал доставать для нас билеты на различные концерты через профком студентов, уговаривал всяких интересных личностей прийти к нам в гости, выводил нас на прочие интересные мероприятия. Поэтому мы единогласно объявили Даниила нашим «культургом на общественных началах», используя без зазрения совести его энтузиазм себе на пользу. Впрочем, за этим его энтузиазмом стоял вполне прозрачный интерес: молодой человек перелюблялся во всех девушек из нашей компании. Сначала он увлёкся белокурой Аней, потом увивался за гибкой шатенкой Ниной, затем волочился за черноокой Инной... Или же – за синеглазой Любашей? Наверное, Данька и сам запутался, кого из наших четырёх девчонок он любил вначале, кого – затем; короче, он как бы любил всех, и тут его можно было понять. Дело в том, что все девчонки нашей компании были не только умницами, но и красавицами – фотомодели, как сказали бы сейчас. А я – увы и ах! – внешними данными блеснуть, как они, не могла. Вот и попытайтесь представить, каково это – обычной девушке жить среди этих, фотомоделей...

Вообще-то мы жили хорошо: и характерами, и интересами сошлись между собой. Общезнание было приличное в плане бытовых условий: блоки из двухместных комнат с общим санузлом и кухней. В одной комнате жили мы с Инной, а Любе, Ане и Нине пришлось втроём обитать в своей двухместке. В тесноте да не в обиде, как говорится. Но если у нас на пятерых полагались отдельный санузел с кухней, то в других о таких условиях только мечтать могли. Сии блага нам предоставили по решению ректората, как «отличникам учёбы». А что, неплохой способ для повышения положительной мотивации к учёбе, если учесть, что других в условиях бюджетного дефицита наш вуз изыскать не мог.

Моей соседкой по комнате (а позже – верной подругой) стала Инна – человек очень прямой, можно даже сказать, иногда прямолинейный. С такими бывает трудно подчас, но знаешь, что она не предаст и лишнего не скажет за спиной. Бывало, что мы и ссорились между собой, и ругались, как две фурии; но чем бурнее была ссора, тем более умиротворённым финалом она завершалась. А что касается наших «тройняшек» из соседней комнаты, то эти девушки представлялись настолько уравновешенными особами, что какую-то ссору с их участием было трудно даже вообразить...

И всё было чудесно, если бы я не чувствовала себя чужой в этом цветнике красоты. А что я могла сделать? Пойти, что ли, к комендантше и попросить поселить меня к менее красивым соседкам и в менее удобное жильё? Вот-вот... И приходилось мне воспитывать выдержку да иногда реветь в душевой, открыв по сильнее кран с водой, чтоб никто не услышал.

Итак, Данька принялся со рвением исполнять наш очередной заказ – вызволять к нам сюда этого своего загадочного Павла. Можно только догадываться, какими коврижками заманивал Данька своего друга: наверняка с присущим ему художественным даром расписывал достоинства моих подруг. Тот вроде бы обещал быть, но ни на ноябрьские, ни в другие дни Павел так и не появился.

– Где же твой таинственный друг? – подначивали мы Даньку, – Не спешит он, однако, исполнять свои обещания.

– Он приедет, обязательно приедет, раз обещал, – уверял нас Данька.

Но однажды наш «культургом» пришел к нам не на шутку подавленным:

– Пашка, оказывается, попал в серьёзную аварию на шахте, в больнице лежал, – рассказал он последние новости о друге, – А потом у него мама сильно заболела... Вот потому-то он не сможет пока что приехать. Представляете, у него, наверно травма серьезнейшая была – а я тут его всякими пустяками доставал!

Данька был очень расстроен этими известиями: «Вы и не представляете, какая работа в шахте опасная! Он мог бы и погибнуть!» Мы успокоили его общими усилиями, как могли: мол, всё бывает в жизни, хорошо ещё, что обошлось без жертв. Ну, придет его друг в другой раз, когда поправится и он, и мама его... К Новому году, например! Мы-то сболтнули, и забыли вовсе, а Данька принял эти слова как руководство к действию... И вот, теперь наш общий друг заявлял, что на этот Новый год этот самый Павел, про которого он нам уже все уши прожужжал, уже точно придет!

Эта новость меняла многое. Мы с девчонками давно решали, как лучше встретить этот Новый год: всем вместе, весело, но без домашних разносолов – в общаге, или сытно, но скучно – дома у родителей. Хорохорились друг перед дружкой – уже не первый курс, чтобы при любой возможности рваться к своим мамочкам под крылышко, но всё-таки кое-кто ещё колебался. А теперь, наконец, все сошлись во мнении: остаёмся! Пусть у нас будет первый, совсем взрослый, студенческий Новый год! И даже купили вина: кажется, какого-то портвейна (на другое вино ни денег, ни опыта у нас не хватило)... Но встреча того Нового года произошла совсем не так, как мы ожидали. Во-первых – двое из наших девочек перед самым праздником приболели, вторых – крупно подвёл нас сам Данька. Оказалось, что к нему на Новый год приехал не только друг, но и мама Данилы с каким-то братом. Мама настояла на встрече Нового года чисто семейному, потому нас Данька смог пригласить к себе только на первое января. Другие общие знакомые тоже по разным причинам проигнорировали наше приглашение, и... остались мы, пятеро девиц, в убогих стенах общаги, со скудным провиантом, без телевизора и, самое главное, безо всякого мужского внимания! Когда выпили за Новый год (портвейн оказался жуткой дрянью), то с удвоенным аппетитом махом уничтожили всю закуску, приготовленную к новогодней ночи. Хотели пойти на городскую горку покататься, но температура, которая поднялась у двоих девчонок, и лютый мороз за окном заставили нас отказаться от этого развлечения.

Итак, еда кончилась, культурная программа оказалась провалена... Загрустив, все порешили лечь спать, и каждая ругала про себя непостоянного Даниила и этого, взбаламутившего всех его друга так, как ей только могло позволить её филологическое образование. Да, наш «пед» недаром носил обидное прозвание «кузницы старых дев». Ну и где же они, эти самые рыцари, принцы, которые смотрели на нас со страниц старинной лирики трубадуров? Новелл Вальтера Скотта? На худой конец, из романов Жорж Санд? ... Вот и грезили долгими зимними ночами той волшебной минутой встречи во сне мои соседочки-подружки: мне это было понятно по их вздрагивающим ресницам, по трепещущим от лёгкого девического дыхания губам, на которых, казалось, застыло одно слово: «Жду...». Но наяву эти «девы чистой красоты», гордые, как средневековые принцессы, ни за что не признались бы в таких мечтаньях!

На другой день мы трое (кроме двух заболевших подруг) тщательно собирались в гости к Даньке, подогреваемые интересом увидеть наконец этого таинственного его друга. В дверях съёмной квартиры нас встретил, широко улыбаясь, счастливый Данька. В большой комнате был уже накрыт праздничный стол. Мама Даньки, встретила нас, радостно всплеснув руками (наверное, спала и видела своего сына женатым на красивой скромной девушке с педагогическим образованием), и пошла на кухню варить пельмени. В углу комнаты, вжавшись в кресло, сидел худосочный паренёк лет шестнадцати, очень похожий на Даньку, только застенчивый, в отличие от старшего брата. «Это мой братан Кирилл, будущий абитуриент нашего вуза!» – торжественно представил Данька брата, окончательно смутив этим последнего. Мы между тем с любопытством оглядывались, желая узреть Данькиного друга. Наконец, мама Данилы с тарелкой нарезанного хлеба вышла из кухни, а за ней показался в проёме двери довольно крупный мужской силуэт... «Моя замечательная мама – Валентина Алексеевна в сопровождении нашего долгожданного Павла!» – торжественно произнёс Данька. Мои подружки тотчас взметнули острые любопытные взгляды на представленного им молодого человека, и... взгляды их быстро попадали куда-то вниз, в тарелки.

Наступила неловкая пауза. Дело в том, что, расписывая достоинства своего друга, Данька ни разу не описал его внешности. Но, поскольку он неоднократно подчёркивал то фантастическое, по его словам, влияние, которое будто оказывает Павел на женский пол, то каждая из нас представляла его каким-то фатальным красавцем. Увы, наши представления на сей счёт слишком резко разошлись с действительностью: этот молодой человек показался всем просто отталкивающе-некрасивым. Во-первых, волосы его были какого-то неопределённого цвета, тускло-жёлто-рыжие. Большая голова его своей угловатостью напоминала картофелину, лицо, как мне показалось, было буроватого оттенка, с неловкими неправильными чертами. Прячущиеся под рыжими бровями светло-голубые глаза казались блеклыми, словно природа, как маляр-халтурщик, пожалела на этот человеческий экземпляр красок и явно разбавила их. Наконец, молодой человек столь неказистой наружности был к тому же обладателем несоразмерно больших ушей – как два алых лопуха по обеим сторонам лица. Просто тролль какой-то, честное слово! Все девочки примолкли, совершенно подмятые этим впечатлением, и никто не решался поднять глаз, боясь, что новый знакомый прочтёт в них явную оценку своего внешнего вида...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.